Юрий Татаринов
(Ангарский)

Джесси, Джессика и… Джесс

Юрий Татаринов-Ангарский
Джесси, Джессика и... Джесс

https://litres.ru/74897777
SelfPub; 2026

Аннотация

Благовоспитанная студентка по имени Джессика — такая же, как и большинство сокурсников — двигается по накатанной колее к окончанию колледжа. И грядущий жизненный путь не предвещает сюрпризов и потрясений.

Но душа не желает покоя, отторгает ожидающую впереди упорядоченную жизнь.

Случай знакомит Джессику с парнем вольных взглядов, с которым она и пускается в бесшабашное, наполненное впечатлениями путешествие.

Но всему приходит конец, и яркие краски вокруг начинают тускнеть. Грядущее всё более мрачно и даже со зловещим оттенком. Отношения идут к разрыву, Джесси всё больше страдает, надвигается депрессия.

В один из тягостных дней и при очень странных обстоятельствах происходит знакомство с пожилой женщиной, оказавшейся вовсе даже не пожилой, и к тому же весьма неординарной представительницей одного из теневых родов деятельности.

С этого момента жизнь девушки круто меняется: становится опасной, но по-настоящему интересной, и к тому же довольно материально обеспеченной...

Юрий Татаринов-Ангарский
Джесси, Джессика и... Джесс

«Джесси, Джессика и… Джесс»

==========

повесть

Автор: Татаринов Юрий Анатольевич

Пролог

Старушка Келли, споткнувшись, подняла седую голову, повела ею из стороны в сторону, усмехнулась своей неловкости, перенесла усилие на ставшую необходимой выручалочку-трость. Без неё – никуда. Вот уже двадцать лет. А были времена…

Взгляд из-под нависающих на глаза седых бровей блеснул пошатнувшимся умом, успокоился. Присела на близстоящую скамеечку, остановила взор на мутно-сиреневых водах знакомого с детства канала. Вздохнула. Разум отуманил-

ся воспоминанием...

«Оторванная смертоносным разрывом кисть руки ребёнка с совершающимся в последних движениях шевелением пальцев… Дым, огонь, грохот, ужас, обезображенные тела, жуткие крики раненных, боль, непонимание, пустота. Зачем?! За что…»

Рука гладит трость: «А ведь было…»

Недвижимая водная гладь безмолствовала. Поражённые ревматизмом пальцы сжались на рукояти, голова откинулась. Взгляд поблёкших глаз устремился в нахмурившееся небо. Трость дробно застучала об озеленённые мхом булыжники мостовой.

«Бог наш вселюбящий! Спаситель! Когда же ты, наконец, ниспошлёшь на меня свои милости? Заберёшь к себе и позволишь обнять моих и твоих детей. Когда?!»

Небо ответило набухшими тяжёлой влагой тёмными кучевыми облаками…

Палитра звуков, тонов, подзвуков и обертонов разбушевавшегося урагана была не то, чтобы широко разнообразна, витиевата и изощренна, но давяще впечатляюща и беспощадна: на обший, изредка несколькими секундами ослабевающий фоновый рев накладывались свисты, гулы, вскрики, рвущие душу стоны, переходящие в дьявольский хохот, и черт-те знает что еще. По обезлюдевшей припортовой пло-

щади неслись, шелестели, перекатывались, звенели, скрежетали и грохались о землю бутылки, обрывки упаковки, ветви деревьев, осколки выбитых стекол, выдранные кровельные листы, перевернутые и покореженные автомобили… Всё, что не устояло перед бешеным натиском стихии. Пропитанный до перенасыщения мусором и поднятой пылью взбесившийся воздух клокотал, судорожно взвывая в завихрениях; превратив в одночасье солнечный тихий день в глубокий, больше похожий на ночь, вечер.

Но не это казалось самым страшным: над всей этой безумной вакханалией явственно главенствовал грозный рокот раскачивающегося океана…

Случилось сиё накануне. Или позавчера? Иль три дни ранее?..

- Что это? Что это такое?!

Мать, закрыв за вошедшим сыном дверь, в сердцах взмахнула руками, страдальчески, с безнадёгой в увлажнившихся глазах облокотилась спиной о коридорную стенку снимаемой маленькой панельной трёхкомнатной квартирки. «Господи! Да что же это за наказание такое?! Никакого просвета…»

Остальной член неполной семьи - семнадцатилетняя дочь в данный момент была - так, во всяком случае, подразумевалось - на уроках в муниципальной школе. Единственная и старшая сестра Эндрю. Которой вечером на подработку

заступать: ночной продавец на пригородной бензозаправке. График – ночь через две. Двадцать девять долларов в неделю. Не густо…

Сама глава семьи, после того, как их бросил нашедший другую женщину теперь уже бывший муж, перебивалась случайными заработками.

Родственное сообщество из троих человек еле сводило концы с концами, почти бедствовало. А тут ещё утром из школы позвонили: опять Эндрю нахватал двоек.

Мать опустила укоризненный взгляд на зажатый в руке подростка припёртый в дом очередной какой-то технический хлам.

- Что, сынок мой непутёвый? Продолжаешь в том же духе? – вздохнула: - А меня опять в школу вызывают, и причина тебе наверняка известна, ведь так?

Сын, уставившись в пол, молчал.

- Горе ты моё, - любящая, раньше времени огрубевшая тяжёлыми трудами материнская рука провела по сыновьим растрёпанным волосам. Женщина, ничего больше не добавив, оторвалась от стены, повернулась и пошла на кухню. Запоздало попытавшийся уклониться от ласки мальчишка – «мам, не ребёнок же я!» - посмотрел вслед удаляющейся матери, недоуменно-сокрушенно пожал плечами, поднес ближе к глазам зажатую в кулаке вещицу.

Вещица-не вещица, а и впрямь – дрянь какая-то никчемная, ни на что путнее не похожая: что-то вроде асимметрич-

ной многоугольной коробки из какого-то прочного и легкого матово-серебристого - похожего на металл, но не являющегося им - материала. Размером с ладонь взрослого мужчины, состоящая из объединенных в единое целое небольших отделений-блоков, большей частью – прямоугольной, со скругленными углами, формы, хотя некоторые из них обрамлялись вогнуто-выпуклыми плавно изгибающимися боковыми поверхностями.

Каждый из блоков имел свою внутреннюю начинку, состоящую, в основном, из пластинок различной длины, ширины и толщины и полупрозрачных разновеликих кристаллов. Не считая каких-то перемычек, скобочек и еле видимых невооруженным взглядом вкрапленных элементов. Снаружи окантовка коробочки щербилась многочисленными рисками, наплывами и игольчатыми отверстиями. Ещё чего-то – сразу не разглядишь. Похоже, правильно подумалось мальчишке, на какие-то «хитроумные» коммуникационные разъёмы. Коробку эту он вытащил из чрева выброшенной ураганом на берег искорёженной неизвестной конструкции. Точнее, её части.

Все это было совершенно непонятно с точки зрения возможного применения, но четырнадцатилетний Эндрю «шестым» чувством ощущал глубокую продуманность, совершенство, значимость и высокую ценность находящегося в его руках устройства.

Прошел в свою комнатку, плотно прикрыл за собой пока-

рябанную, с облупившейся, когда-то белою, краской и выбоинами дверь, прислонился плечом к косяку, окинул взглядом принадлежащее ему «царство», любимое его место.

Постороннему взгляду Эндино пристанище могло показаться брошенной лет сто назад лавкой чудаковатого неряшливого – со спутанными седыми космами, странными речами и поступками, веселой искрой в добрых глазах – старикашки-старьёвщика. Через которую за это время прошли тысячи случайных людей; и каждый откручивал, отрезал, а чаще просто отрывал с корнем что-то для себя нужное: точнее – могущее, на его взгляд, оказаться когда-нибудь нужным при каких-либо невероятных особых обстоятельствах. Потому как вещи все были какие-то странные что ли, ненужные в обычной жизни: нельзя вот так просто взять да и приделать куда-нибудь с осязаемой пользой.

В расставленных вдоль стен покосившимися рядами коробках, на полу, под кроватью, на вбитых до самого потолка многочисленных крючках-гвоздях лежал, стоял, валялся, висел всякий хлам: железки, деревяшки, коробушки с торчащими из них проводами, фрагменты каких-то устройств и механизмов… И все это какое-то нашпигованно-криво-мохнато-угловатое, нелепое... Ненужное, словом. Нет бы, кусок пластикового листа хошь… Который приколотить, на худой конец, куда-нибудь можно. Так не найти у юного хозяина такового: все дрянь какая-то отборная…

Парнишка бросил ожидающий приятного времяпрепро-

вождения, почти любящий взгляд на притулившийся в правом дальнем углу комнатушки, в простенке между окном и боковой стеной, обшарпанный старый письменный стол, заваленный родом мусора и беспорядочно разбросанными листками бумаги, испещренными рисунками, эскизами, короткими записями, цифирками и буковками. Откачнулся от притолоки, прошел к столу, сел на шатающийся стул, положил перед собой принесенную вещицу, вперился в нее долгим взглядом, «отгородился» от окружающего привычного мира…

В это же приблизительно самое время другой - взрослый, лет сорока – человек вот уже продолжительное время смотрел похожим взглядом в чрево одного из нескольких десятков обломков какого-то невиданного аппарата, аккуратно разложенных на полу большого – похоже, авиационного – ангара, который, наряду с несколькими другими небольшими зданиями располагался на огороженном участке площадью не более двадцати акров, окруженном со всех сторон простирающейся до горизонта пустыней-степью. Лишь с северо-запада угадывалась размытая расстоянием далекая горная цепь. Внимательный взгляд мог бы отметить множество факторов, указывающих на значимость и засекреченность объекта: особая охрана, включающая в себя вооруженных часовых; обнесенный тройным – «глухим», четырехметровой высоты, наружним и в два пояса, с контрольно-следо-

вой полосой между ними, колючепроволочным внутренним – забором периметр; видеокамеры и многофункциональные датчики, радары и мощные антенны, вертолетная площадка… Может, что-то еще… Может, и не только на поверхности…

Основная масса обломков была извлечена в ходе специальной операции правительства из прибрежных вод после того, как два из них были обнаружены на берегу. Молодец местный шериф. Сумел увидеть в обломках необычное и сообщил куда надо.

К одному из этих обломков как раз сейчас и проявлял пристальное внимание человек.

Человека звали Джеффри. Джеффри Оклайретт. Он, как и малолетний наблюдательный несмыслёныш-Эндрю, когда-то тоже не питал большой любви к тому, чему его пытались обучить в школе. Но это было давно. Теперь же Джефф - один из немногих в мире экспертов по новейшим технологиям, и находится на службе у оборонного ведомства мощной державы.

Оклайретт отвел взгляд, взглянул на часы - почти десять: пора, через девять минут его ждет шеф. Вышел из ангара, кивнул охраннику, направился к стоящему неподалеку невзрачному, как будто вырубленному несколькими расчётливо-точными ударами топора, двухэтажному грязно-серому цветом строению.

Уильям Родриган, он же шеф и он же начальник отдела ле-

тательных аппаратов в составе Управления по изучению вооружений потенциальных противников, в задумчивости развалился в глубоком кожаном кресле, перекинув правую ногу через правый, а свешенную левую руку в закатанном до локтя рукаве рубашки – через левый подлокотник. Махнул рукой вошедшему:

- Садись, Джефф, – наклонился к столу, проговорил в селектор: - Два кофе, Молли, пожалуйста. – Поднял взгляд на свободно расположившегося в кресле по другую сторону стола Оклайретта, с которым они вместе работали уже более десяти лет, симпатизировали друг другу и были – когда наедине – почти приятелями.

- Ну, нарыл чего-нибудь?

Джеффри поморщился, вздохнул притворно:

- Наверно уже не дождусь никогда, чтоб ты, Билл, перестал обращаться со мной как с мусорщиком…

Родриган усмехнулся:

- Так же как и я, чтоб ты перестал так думать. Ладно тебе, итак?

Оклайретт откинулся на спинку, после непродолжительного раздумья взвешенно заговорил:

- То, что скажу сейчас - лишь предварительное и поверхностное мнение после первичного визуального осмотра – сам понимаешь… - Наклонился немного вперед, принял чашечку на миниатюрном блюдце из рук миниатюрной же молодой женщины-мулатки, благодарно кивнул: «спаси-

бо, Молли», удобнее устроился в кресле, выждал, глядя на парящую поверхность напитка и неспешно помешивая его ложечкой, пока не раздался клацающий звук закрываемой за вышедшей секретаршей двери, поднял глаза на собеседника, продолжил: - Но уже ясно: скучать нам не придется…

- Насколько не придётся?

- Думаю, довольно много и надолго. И не только потому, что опять проявили себя наши неизвестные «друзья». Отсутствует важный фрагмент. Скорее всего – самый важный. У меня есть предварительные основания полагать, что это интеллектуальная начинка. На вид, похоже, что-то вроде блочного устройства размером с ладонь. И пропал этот коммутатор не сам по себе. Его кто-то вытащил. Может, какой-нибудь бездомный, может, любопытный пацан. Может, кто-либо ещё. Может, этот блок уже раскурочен и выброшен, не знаю. Тебе разбираться с этим.

Взгляд Родригана отяжелел, чело омрачилось.

- Спасибо, удружил…

Оклайретт сожалеюще развёл руки в стороны.

Джессика

I

Дело почти сделано. Заветная коробочка лежит во внутреннем кармане его пиджака. Вилли взглянул на часы, вы-

ждал с полминуты: «пора», направился в сторону выхода. Поторопился – не выделяясь, однако, на общем фоне многолюдности - спуститься со ступеней «Римской оперы».

Наверху, под колоннами левее центрального входа, звучание монотонного гула толпы вдруг нарушил резкий хлопок небольшого взрыва, поднялся и начал расползаться округ густой коричневато-едкий туман.

Люди, в основном изысканно одетые, инстинктивно шарахнулись в стороны; воздух взрезал испуганный женский визг, крыльцо и мраморная лестница вмиг опустели. Завыли сирены подъезжающих полицейских машин.

«Что за чёрт! Про это ничего не говорилось». Вилли тоже было инстинктивно ускорил шаг, но тут же «взял себя в руки», попытался успокоиться и следовать далее установленному плану. Как его проинструктировали.

Бросившиеся вслед двум убегающим «хиппи» полицейские окончательно развеяли тревогу: «Это не имеет к нашим делам отношения.» Ухода Вилли никто не заметил, почти никто…

Наблюдающий за происходящим через лобовое стекло стоящего поодаль неброского тёмно-синего «ситроена» человек напрягся на секунду от неожиданного, сжал пальцами левой руки рулевое колесо. Оценил профессионально-подмечающе увиденное, расслабился. Решил, что повода для задействования резервного экстренного плана нет, приложил к уху, не снимая перчаток и не меняя выражения лица, мо-

бильный телефон, сказал одно лишь слово: «извините», оборвал связь, плавно стронул машину. Мелькнула брошенная в мусорный контейнер переломленная пополам трубка. Автомобиль растворился в жерновах улиц. Пеший сопровождающий, действуя точно по инструкции, принял «эстафету», двинулся вслед за Вилли на должном расстоянии. Всё пока шло как надо.

Носитель таинственной и такой – он чувствовал это оголившимися нервами и мурашками по коже – опасной коробочки удалялся прочь. «Спокойно, Вилли. Всё идёт нормально. Всего-то ещё триста метров пути и пять поворотов, садишься в условленную машину и… задание выполнено. Получаешь свои деньги и летишь отдыхать на какие-нибудь, чёрт их разбери, экзотические острова. Облачаешься в крутой прикид, загораешь, пьёшь изысканные коктейли по вечерам, тусуешься, снимаешь самых красивых тёлок – всех цветов и пропорций! И, главное, посылаешь всю эту бодягу к чёрту и ни о чём таком из прошлой поганой жизни больше не вспоминаешь.»

Но неуютность почему-то не исчезала. Приклеилась, подлая, - не оторвать. Ноги размеренно шагали. Свернув на вторую по счёту боковую улочку, неброско но прилично одетый мужчина, оставив на время мечты, устремился оговорённым маршрутом к месту встречи.

Почти половина пути преодолена. Но что это?

Навстречу, отталкиваясь от мостовой ногой, выписывая кренделя и с трудом сохраняя равновесие, катил на скейтборде одетый в броско-яркий, кричащий разноцветьем пузырчатый костюм, неумеха-подросток. На голову его по самые глаза была нахлобучена не менее вызывающая гротескная оранжево-жёлтая бейсболка с огромным козырьком.

Вилли, опасаясь столкновения, посторонился. Парнишка, тоже предпринимая усилия, попытался отвернуть, но не тутто было. Неверные ноги дали сбой, колёсная доска, не потерпев дилетанского с собой обращения, взбрыкнула. Злорадно скрежетнув пошедшим поперечным юзом колесом, выскользнула из-под ног, отлетела в сторону. Взмахнув руками и крутнувшись винтом пацан врезался в грудь Вилли, упал, покатившись.

Вилли от неожиданного удара тоже едва не опрокинулся. Его развернуло, и устоять на ногах помогла лишь вцепившаяся в ажурно-кованное газонное ограждение рука. Задохнулся, поправляя неверной рукой пиджак. С губ, как плевок, слетела бурлящая негодованием накипь:

- Ты что?! Ты что, сопляк, вытворяешь? Пшёл быстро домой, скейтбордист хренов!

Потирающий ушибленный бок вьюнош если и собирался просить у взрослого дяденьки прощения за доставленные не по злому умыслу неудобства, то после резнувших ухо избыточной грубостью слов попыток извиниться предпринимать не стал. Изгиб губ под идиотским козырьком из виноватo-

го превратился в язвительный. «Окрысившийся» мальчишка вскочил, подхватил под мышку необузданный транспорт, сплюнул через плечо, отдариваясь той же «монетой»:

- Козёл! – и бросился бе́гом удирать.

Вилли, успокаиваясь, постарался выбросить из головы дурацкое происшествие, возобновил движение. Дёрнувшийся было сопровождающий осадил готовый перейти на бег шаг. Внимательный взгляд проводил убегающего подростка, не нашёл ничего настораживающего. Напрягшаяся кисть расслабилась, готовый к применению сотовый телефон выскользнул из ослабшего захвата, ткнулся о дно кармана: «ложная тревога». Через пару минут Вилли, оглянувшись как настоящий шпион кругом, плюхнулся на переднее сидение ожидающего на тихой улочке тёмно-синего «ситроена».

Неудачник-пацан, перейдя метров через сто с бега на шаг, окинул, не поворачивая головы, внимательным взглядом безлюдную улицу, уже совсем спокойно свернул, оказался на малюсеньком заднем дворике какого-то захудалого одноэтажного магазинчика.

Подпрыгнув, уселся сверху на метровый бетонный бордюр, декорированный с лицевой стороны зацементированным коричневатым камнем-плитняком. Ещё раз осмотрелся. Не увидев живой души, перекинул ноги, соскочил на обратную сторону. Вверх круто вздымался густо заросший неухоженным – выше человеческого роста - кустарником замусо-

ренный пятиметровый земляной склон, венчавшийся в верхнем своём излёте массивным бетонным же ограждением, за которым явственно угадывался шум большой магистрали.

Продравшись сквозь густые заросли и оказавшись посреди подъёма, парнишка сделался практически невидимым со стороны. Аккуратно положил доску под куст. Расстегнув всего три застёжки, легко освободился от клоунского костюма, отбросил его в россыпи старого мусора, предварительно выудив из пузырчатых складок модную женскую сумочку и украденный у простофили-Вилли матово отсвечивающий пластиковый, размером с ладонь, опечатанный футляр прямоугольной формы, который незамедлительно перекочевал к содержимому сумки. Дебильная ядовито-оранжево-жёлтая бейсболка полетела в противоположную от костюма сторону. В руке остался будучи вложенный в неё вкладыш – изящное женское кепи. На плечах ладно сидела ниспадающими волнами короткая – чуть ниже пояса - пурпурная блузка с регланными рукавами до локтей, из-под неё – завершающая наряд тёмно-серая слегка зауженная к обтянутым дорогими тёмно-серыми полупрозрачными чулками коленям и не скрывающая их юбка из искусно выделанной матово отблёскивающей серым же кожи.

Чувствовалась прохлада. Накинул оказавшуюся к случаю гармонирующую с нарядом курточку.

Ноги, для оставшегося подъёма, пока оставались обутыми в кроссовки. Оправив разглаживающими движениями ладо-

ней юбку, «неумелый» скейтбордист, разогнувшись, встал в полный рост. Тонкие колени сжали на минуту снятое кепи. Взметнувшаяся рука выдернула заколку из узла на затылке. На плечи упали водопадом тусклоотсвечивающие платиной естественные волосы. Парнишки больше не было. Исчез. Вместо него образовалась молодая дивчина, и какая! Ну да ладно.

Преодолев, оберегая одеяние, остаток земляного взъёма, девушка оказалась под вздымающейся над ней трёхметровой бетонной стеной. Что, впрочем, нисколько её не смутило.

Достала из сумочки фиолетовые полусапожки на высоком каблуке, заменила ими, коротко согнувшись, кроссовки, выпрямилась, окинула взглядом поверхность стены, наметила схему подъёма.

Через минуту пальцы охватили верхнюю кромку. Подтянулась до уровня глаз над обрезом ограждения, всмотрелась.

Машин, народу полно, но никто никого и ничего не видит и не слышит. Усмехнулась про себя: «издержки большого города, таким как я на пользу», двумя движениями, уложившись в малые секунды, перебросила тело через ограждение, очутилась на тротуаре. Сделав несколько шагов, нагнулась якобы камешек из туфли вынуть. Незаметно, перепроверяя молчащее чувство опасности, осмотрелась.

Ветрено. Снега не наблюдалось, но было далеко не жарко; и люди, кто как умел, прятали зябнущие конечности в перчатки, под мышки, а то и просто сжимая коченеющие паль-

цы в кулаки. Спешили, приспустив головы, по своим делам.

Скрупулёзное следование инструкциям оказалось оправданным. Подумалось:

«Так и есть. Никому никакого дела до меня, и слава Богу». - В обострённом сознании вихрем пронеслась целая армада совершённых действий, мыслей и впечатлений: вчерашний утренний прилёт в Рим, передача – там же, в аэропорту – её под попечительство неулыбчивого итальянца средних лет, рекогносцировка, подготовка и подгонка аксессуаров для операции, подробнейший инструктаж, куча ещё всяческих мелочей. Короткая беспокойная ночь в маленькой скромной квартирке, куда привёз её новый знакомый Фабио. И всё это менее, чем за два дня! Через два с небольшим часа они с Ам… улетают, в общем. Обратно. Выбросила из головы распирающие её раздумья: «Лишнее это сейчас, не ко времени», выпрямилась: - «Вперёд». - Зашагала не привлекая внимания но быстро, отряхивая на ходу цементную крошку с ладоней.

Через несколько минут хода спустилась в подземный переход, выйдя по другую сторону автострады прошла немного главной улицей, свернула на примыкающую второстепенную в направлении менее оживлённых районов, прогулялась ещё минут десять зигзагами переулков и проездов, убеждаясь в непроявлении стороннего к себе интереса – как учили. Удостоверившись в отсутствии слежки, повернула от окраин

назад. Стараясь забирать правее, неспешным шагом, не притупляя внимания, направилась в сторону оживлённой площади Примирения, стала приближаться, но не откровенно, к условленной точке.

Скинутый на телефон в завуалированном сообщении номер машины совпадал. Серый «Шевроле»-седан стоял, ожидая, где и договаривались. Передняя пассажирская дверца чуть приоткрылась, приглашая. Скользнув внутрь, девушка захлопнула дверь, пристегнулась ремнём безопасности. Устроив на коленях сумочку, смотрела прямо, ничего не говоря, сквозь лобовое стекло.

Расположившаяся на месте водителя эффектная в затемнённых очках женщина полуповернула голову, глянула на покоящуюся меж колен пассажирки сумку. Не дождавшись ответной реакции, усмехнулась. Отвернувшись, повернула в замке зажигания ключ.

- В аэропорт, юная леди?

Пассажирка-девушка согласно кивнула.

Немногим ранее сидящий перед приборной панелью в другой машине - тёмно-синем «ситроене» - мужчина взглянул презрительно на усевшегося справа от него «профессионала», протянул открытую ладонь.

- Давай.

Двинувшаяся было ко внутреннему карману рука Вилли

остановилась.

- Сперва деньги.

Мужчина тяжело посмотрел, закинув за спину руку, достал из заднего кармашка сидения грязно-жёлтый конверт, бросил его на колени пассажира.

- Ну?

Вилли вскрыл бумажный клапан, заглянул внутрь. Сунув руку, надавил изгибом большим пальцем на пачку. Трескуче прошелестели купюры. Остался удовлетворён. Мужчина начинал проявлять нетерпение.

- Ну, доволен? Теперь давай сюда то что взял, быстро!

Вилли засунул пакет с деньгами в правый внутренний карман пиджака, застегнул на пуговичку.

- Всё верно, получите Ваш товар.

Засунул руку в левый карман. «Какого чёрта?!!» - лихорадочно, вонзая пальцы в углы, ощупал пустоту. Лицо его вытянулось.

- Ничего не понимаю. Исчезла…

Сокрушительный, без замаха, удар отправил Вилли в небытие. Обыскав вырубленное тело и не забыв забрать деньги, мужчина дрожащими пальцами принялся набирать цифры знакомого, не сулящего ему ничего хорошего, номера.

Передохнём чуток. Начало сделано: обложка открыта; по-

стояли немного у рокочущего океана; оглянулись со старушкой Келли назад, пустили события вскачь. Преждевременно, однако. Потому как… А Джессика-то где? Ну та… Та Джессика, что в недалёкие прошедшие времена с недоумением – на фоне окружения из улыбающихся лиц – крутит в руках подаренный ей на день рождения друзьями-первокурсниками такой диковинный аппарат - скейтборд! Или… Или виртуозно владеет им, но дуркует, вводя в заблуждение окружающих? Дайте минутку. А впрочем… Да Бог с ней, с доской на колёсиках. Попробуем поразбираться, что это за Джессика такая, а там видно будет. Может быть. Вернёмся месяцев на десять назад. В ту предоктябрьскую осень, когда Джессика осталась одна.

II

Джесси перехватила руку Джека:

- Не надо. Опасно это…

- Отстань.

- Я видела пистолет.

- Ты видела пистолет?..

- Не попугайствуй. И не будь кретином. Не справиться тебе самому. Не потянешь. И бед понаделаешь…

- Ты дура совсем? Мы с Билли в деле. Справимся.

- С Билли-дебили? Пожизненный срок легче мотать будет? Я не это имею ввиду.

- Всё, закончили. Не суй свой симпатичный носик в мои дела – откушу. Ты, если чё, не слышала и не видела ничего, понятно? Порву в клочья, если сболтнёшь чего. Может, лучше сразу удавить? От греха. Смотри…

Высвободил руку.

- Кстати, ты что-то слишком уж долго обдумываешь моё предложение - терпение кончается. Кормить вечно на халяву никто тебя не станет, учти.

Накинув куртку, бросил взгляд на валявшийся у выхода топор, спрятав кривую ухмылку, но так паскудненько, чтоб заметила подружка («пусть в страхе живёт и знает, кто здесь главный»), отодвинул щеколду…

С громким звеняще-металлическим стуком захлопнулась за парнем покорёженная в былые непростые времена выходная дверь; девушка вздрогнула, сердце охолонулось страхом и окуталось вслед тоскливой неизбывностью. Присела, поджав ноги, на скособоченную табуретку, вперилась невидяще в ощерблёно-исцарапанную поверхность припёртого Джеком с какой-то свалки старого платяного шкафа. Вспомнилось как неудержимо, по-идиотски даже, катилась к теперешнему своему ужасающему состоянию.

В ту роковую осень, два года назад, вернулась она, двадца-

тилетняя Джессика Хоггарт, в очередной раз после проведённых в родительском доме летних каникул под ставшую за три года почти родной сень престижного юридического колледжа, расположенного на окраине одного из опрятных городков-спутников большого города на северо-востоке страны. Предстоял последний, выпускной четвёртый, курс. Всё шло по накатанной дорожке, проблем ничто не предвещало.

Что же явилось причиной ошеломившего окружающих резкого поворота-схода Джесси с укатанной колеи? Может, эта опостылевшая безальтернативная, кем-то придуманная и навязанная «накатанность»; может, наивно-любовное, затмевающее разум влечение, от которого так часто страдают многие чистые душой молоденькие девушки? Может, что-то ещё?.. Попробуем бегло взглянуть на некоторые последовавшие события, а вы уж разбирайтесь сами.

К последнему курсу многие девушки обзавелись парнями, а парни – девушками. Притом в девяноста процентах случаев – между своими, из колледжа, и в восьмидесяти процентах из их числа – однокурсниками. С долей условной приближённости, конечно. Нечасты были союзы со студентами других учебных заведений, и уж совсем в диковинку и не находящими всеобщего понимания – на стороне или «старая» любовь, которая, по доминирующему мнению, - из страшно далёкого глупого детства. Считалось большим шиком у девушек «охомутать» парня-старшекурсника; вчерашние маль-

чики большей частью относились одобрительно и даже, иной раз, с долей доброй зависти к однокласснику, дружившему с девочкой из младших. Ну и всё такое и так далее, понимаете…

Дружить с противоположным полом считалось почти необходимым. Так было – «надо», и всё тут. Отношения состояли, в основном, из проявления внешних, желательно – видимых многочисленным товарищам, признаков внимания; допускалось, по максимуму, немножко пообниматься и/или поцеловаться, но уже где-нибудь в уголке, как правило - на одной из многочисленных вечеринок. Признаки неподдельного уважения и уж тем более любви найти в таких и подобных отношениях трудно, хотя, конечно же, бывают и исключения…

Придётся, хотя не хочется, и про секс пару слов сказать: случался иной раз, но крайне, крайне редко и нормой никак не был.

Да! Нежданная беременность ещё. Ну да, было и это. За всю тридцатилетнюю историю колледжа – пару раз, и здесь уж точно не было искренне сочувствующих: учёба и только она всегда главенствовала («Для чего же, в конце концов, мы все здесь находимся?!»). Говорить об этом мы больше не будем.

Был и у Джесси «дружок», которым она обзавелась чуть за середину третьего курса, зимой. Ричард Бозуорт, здоровый

парень из параллельной группы со специализацией «права национальностей и малых народов». Спортсмен. Бегун на средние дистанции. Из хорошей семьи с юга. Он перевёлся к ним после двух лет учёбы в другом колледже.

Как познакомились? Да вполне обычно, на вечеринке в честь дня рождения соседки Джессики по комнате, полноватой хохотушки и прикольницы, всеобщей любимицы Трейси Олдридж. Заглянем потихоньку, одним глазком лишь и никому не мешая, на ту вечеринку.

Начало восьмого часа вечера. Тусовка в самом разгаре. В небольшую девчоночью комнату набилось человек двадцать: стояли, лежали, подперев ладонью щёку, и большей частью сидели на стульях, столах, кроватях, подставленных сумках. На полу и на чьих-то коленках. Довольно громко звучала из подхрипывающих динамиков ритмичная музыка, перекрываемая гулом голосов. Кто-то, перешагивая разбросанные по полу разноцветные штаны и юбки, большие и маленькие ноги и лавируя между предметами обстановки, пытался танцевать; кто-то рассказывал, почти крича и размахивая руками, какую-то хохму; кто-то... Общий гул поминутно вспарывался чьим-нибудь эмоциональным возгласом, взрывался раскатами дружного смеха. Кто-то на время или с концами покидал комнату - их освободившиеся места в считанные минуты заполнялись вновь являвшимися. Спёртый, несмотря на распахнутое окно, воздух, казалось, клокотал.

Потихоньку попивали пиво, беря его из припрятанной под кроватью упаковки и возвращая туда же опорожненные бутылки.

Администрация колледжа такие вечеринки, скрепя сердце, старалась не замечать, видя в них больше плюсов, нежели минусов. Разумеется, если не нарушался установленный порядок. Ребята и сами, как бы соблюдая негласную договорённость, старались не перегибать палку. Продолжим.

Так вот. Вошедший широкоплечий блондин, значительно выше среднего роста, был хорош собой. Видно было, что ему сей факт отлично известен и цену себе он знает. Прямой взгляд смелых светло-голубых глаз чуть иронично скользнул по присутствующим, задержался еле заметно на Джессике, остановился на Сьюзанн, её соседке по стулу, на котором они обе умудрялись, едва не падая, удерживаться в зыбком равновесии. Бровь вопросительно приподнялась. Сьюзи, одним движением указывая парню и одновременно привлекая внимание подруги, шевельнула локтем:

- Он… Ричард. Ну, про которого я говорила на днях. Товарец что надо, и свободен на данный момент. Я ему тебя расхвалила, и, кажется, он заинтересовался. Не будь вороной, хватай жар-птицу за хвост, а то другие уведут, - скосила глаза на Джесси, пробубнила, стараясь не разжимать губ: - Чего одеревенела, как дура из дурдома? – Усилила сказанное щипком за бочок, прошипела: - Да натяни на морду ты, на-

конец, нормальное лицо, не на панихиде же сидишь. Улыбнись и сделайся хорошей девочкой, бес тебя побери. – Голос сделался ещё приглушённей: - Смотрит на тебя… Знакомить в этом бедламе не буду – сама. Давай, действуй, пока горячо. Не сплохуй.

Столкнула лёгким движением бедра подругу со стула, деланно-равнодушно отвернулась, вклинилась, как по маслу, в чей-то разговор. Джесси поднялась, выпрямившись во весь рост, с интересом взглянула на парня. Тот, протиснувшись меж ребят, подошёл.

- Добрый вечер, прекрасная незнакомка. Меня зовут Ричард. Можно – Риччи. Не о Вас ли в столь превосходных степенях повествовала на днях мне Сьюзанн? – Молодой человек лукаво поглядывал: - А?

Девушка ловко увернулась от какого-то экспрессивного захмелевшего танцора, улыбнулась:

- Если в превосходных степенях, то это я, больше некому, – протянула руку: - Джессика Хоггарт. – Опустила ресницы. – Джесси.

Ответ парню понравился, встречное рукопожатие было нежно-крепким, искренним.

- Может, смотаемся отсюда? Погуляем по парку, и Вы мне сами расскажете о себе. Из первых, так сказать, рук. Как?

Джессика внимательно взглянула:

- Ну что ж, давайте… давай попробуем.

Ричард, оберегающе поддерживая девушку за плечи и ис-

пытывая приятное волнение, помог пробраться до выхода. Тонкий лёд был сломан…

Дружили взапой, не прячась – другим на зависть. Ожидали оба с упоением почти ежевечерних встреч, заканчивающихся, как правило, жаркими поцелуями. Вроде, наклёвывалось что-то серьёзное. Казалось так, шло к этому.

Пролетело несколько месяцев, наступил небывало тёплый май.

В конце месяца Ричард завоевал первое место по учебному округу в кроссе – не шутка! Поставил полученный кубок на бетонку перед выходом из женского корпуса. В безрукавке, играя мышцами скрещенных на груди рук, ожидал.

Прозвенел означающий окончание занятий звонок. Через минуту нарастающий голосовой гул выплеснулся девичьим многолюдьем на широкое четырёхступенчатое крыльцо здания учебного корпуса. Сделав несколько шагов влево от ступеней, Ричард встал под барьерным обрамлением, протянул руки. Счастливо улыбающаяся Джесси подалась в его сторону, перекинула ноги – одну, затем – вторую – через лепнину перил, зажмурясь, прыгнула вниз.

Крепкие руки поймали девушку, прижали к груди. Опустились, подняли с покрытия посудинку кубка, торжественно вручили подружке.

- Для тебя и в твою честь! - прозвучали несколько высокопарные, но искренние слова.

Девчонки завистливо притихли на секунды; наблюдающие со стороны парни одобрительно заухмылялись: «Однако!»

Весёлый май, кокетливо подмигивая, сменился осуждающе-серьёзным июнем. Пора экзаменов.

Приходилось вечерами и ночами навёрстывать упущенное; встречаться почти перестали – не до того.

Но всё имеет своё окончание или видимость того… Экзамены позади: сданы, слава Богу!

Стоя на перроне у двери вагона готового к отходу поезда, опечаленная Джессика проводит кончиками пальцев по щеке оставляемого Ричарда.

- Это ненадолго, милый. Всего-то два с небольшим месяца – и мы снова вместе. Вдвоём, и никого более, ведь так?

Пытаясь скрыть за обнадёживающей улыбкой грусть, страдая сам, Риччи сомкнул прощальные объятия:

- Так. Конечно, так. И не иначе, - отстранился, не снимая рук с плеч подруги, заглянул в глаза:

- Но ты должна писать мне, звонить. Как можно чаще, обещаешь?

- Конечно, дорогой. До встречи…

- До встречи…

Свистящий шелест набирающего скорость состава оборвался, затихая, на хвостовых огнях уносящегося вдаль последнего вагона.

Проводив взглядом экспресс, Ричард оборвал шаг, развернувшись, пошёл обратно, к вокзалу: через два часа его поезд.

Вот так: разъехались ребятишки по родным домам: Джессика – на запад, Ричард – на юг.

III

Под родительским кровом, как оказалось, делать-то было и нечего… Джессика бездельничала, сидя дома или шатаясь туда-сюда-обратно; Ричард бездельничал. Книги не читались, фильмы не смотрелись; друг-ноутбук лишь спасал немного, оживая вечерами. Отцы и матери, отобнимав и обцеловав каникулярных варягов и устроив праздничный, гротескно весёлый ужин, возвращались к своим обыденным делам; братьям и сёстрам было вообще наплевать.

Хотя нет, не совсем так. Точнее – не сразу. Пытались, и не раз, в родственном «пароксизме» зазвать на свои вечеринки – безуспешно. Ну, сходила Джессика пару раз – не то… Со знакомыми из прежней жизни встречаться пробовала – бросила: другие люди, не те, кого она когда-то знала. Маялась. Тоска…

Нет, но с Ричардом-то и подругами по колледжу общалась регулярно: звонки, по несколько раз за день иной раз, электронная почта, Skype.

Звонки звонками, электронные лица на экране монито-

ра, но… Как-то становилось всё это всё более пресным, неуместным что ли. Ничто не сможет заменить ток от живого соприкосновения. Ждали возвращения в колледж, считали долгие резиновые дни.

Наконец подошёл срок: «К чёрту такие каникулы!» Сумбурно-торопливое прощание с родственниками на оставляемом («навсегда, надеюсь») перроне.

«Прощайте, хорошие вы мои папа и мама!» И тут же шальная, приятным уколом светлая мысль: «Вперёд и только вперёд! К восходу настоящей жизни!»

Ноги сошедшей с поезда прибывшей Джессики, невзирая на тяжесть висящей на плече сумки, несли вперетоп через перрон, зал ожидания и вестибюль вперёд, к желанной жизни. «Наконец-то!»

Приехавший немного ранее Ричард дождался возвращающейся Джессики: встречал её на стоянке такси. Развёл, счастливо улыбаясь, руки. Сумка хлопнулась об асфальт, обнялись.

Машина, выворачиваясь из привокзальных развязок, несла сидящих на заднем сидении держащихся за руки парня и девушку прочь от враждебного транспортного узла и вдаль, к ставшими родными стенам.

Атмосфера колледжа не замедлила окутать ласковой по-

волокой: встречи, друзья, объятия, разговоры - разговорчики: «Ты как? Где? С кем? Отлично выглядишь! Устроюсь сейчас, а потом поговорим как следует. Не пропадай, до скорого свидания!» Гул голосов, движение, хлопанья по плечам, смех. Идиллия…

Ну, устроилось всё вроде. Учебный процесс возобладал: иронично-умные преподаватели, головоломки, изысканные тесты, контрольные, оценки в личных сертификатах, назойливые намёки на значимость грядущего окончания курса. Коню, и тому понятно. Но нас-то больше другая сторона жизни интересует. Личная, которая вне занятий. Она – более настоящая.

Ричард, спросите? Да нормально всё, по-прежнему. Или?..

Старшекурсники – ребята независимые. Ну, почти… И свободолюбивые, Это уж – мама в магазин не ходи. Особенно это известно мелочи с младших курсов. Аксиома.

Прорехи на джинсах? А пожелтевшие от сигарет пальцы? Лапидарная ёмкость и ироничность суждений? Да за километр видно, с кем имеете дело, не спутаешь! Три курса – по боку. Четвёртый, последний, - это да! Серьёзно, и не могите думать иначе. Нон понимайт! А нет – так валите к чёрту, без возражений! Такие дела.

А какие дела? Да всякие.

Начало двадцатых чисел сентября, тёплые осенние денёчки, свежепожухлая листва на тротуарах. Собралась субботним вечерком, к примеру, «уставшая от жизни» группка четверокурсной молодёжи в недалёкие приделы от поднадоевшего стойбища. В близрастущий парковый лесок, на пикничок. Мальчики, девочки, гитарка, сигаретки, пивко. И костерок, конечно. Игра заголённых мышц, позирование и скептически-умные речи. Не удивляйтесь: обычное дело, рутинное.

Дэнни, парень из группы, ворошил прутиком угли; Трейси, жестикулируя, о чём-то вполголоса вещала подругам; Ричард елозил пальцами по гитаре, лениво возражал настойчиво что-то доказывающему ему Винсенту.

Не сразу заметили вступившие в освещаемую полусферу два тёмных мужских силуэта. Один из них, присев на корточки и протянув к огню руки, произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

- С трудом понял, что это Led Zeppelin. Одна из центровых их вещей – «Staiway to Heaven». Любимая мной. Но гитара – дрянь. Как и гитарист. К тому же – расстроенная. Дай, братишка, мне инструмент, попробую показать, как это делается. – Поднял волевой взгляд, встал в полный рост. Пристально смотря на Джессику и не обращаясь впрямую к Ричарду повторил отвердевшим голосом:

- Гитару дал сюда, студент. Слышал плохо?

От незнакомцев веяло непоказной опасностью. Джессика внимательно взглянула на Ричарда, тот отвёл блуждающий взор, выродил:

- У нас своя компания, ребята, - добавил, с трудом, будто камни мешали во рту, выговаривая слова: - И нам не нужны неприятности.

Нежданный визитёр ухмыльнулся:

- Они, неприятности, могут у тебя появиться. Прямо сейчас. Это – моя территория. Но я сегодня добрый, тебе повезло, – полуобернулся на спутника: - Да, Билли? – тот безразлично кивнул. - Повторяю в последний раз: дай гитару.

Остальные отдыхающие предпочли не ввязываться в разговор, с двойным усердием продол-

жили заниматься своими делами. Кроме Джесси. Ричард, пожав плечами и пытаясь сохранить

личину независимости, протянул инструмент.

- На, возьми, - попытался словами завуалировать малодушие: - Может, и впрямь чем-нибудь

дельным удивишь.

Джесси неотрывно смотрела на неуютно чувствовавшего себя Ричарда. Перевела опусто-

шённый взгляд на оказавшиеся никчемными накачанные бицепсы дружка, повернула лицо к

подругам.

Парень, презрительно хмыкнув, принял гитару, крутнул

её в ловких руках осматривая, снисходительно-осуждающе и деланно-косноязычно промолвил:

- Да, не высчий сорт … - Провёл по струнам, быстренько отладил строй. Взмахнувшие изящные пальцы легко извлекли несколько красивых сложных аккордов. - Меня, кстати, Джеком зовут. Тоже когда-то студентом был, время зря терял. А это, - отмахнул небрежно рукой в сторону напарника: - Уильям, - усмехнулся: - но откликается и на Билли. А вас как зовут-величают?

Изобразил видимость движения руки в сторону Ричарда, проигнорировал, наглец, протянутую для пожатия длань, отвернулся. Оперев гитару о скамью, присел на корточки, взял в ладони Джессикову кисть, приветливо улыбнулся:

- Назовите Ваше имя, прекрасная вечерняя звезда. Прошу Вас. Хотите, на колени встану?

Джессике в диковинку такое обращение. Сконфузилась немного, вынула из Джековых ладоней кисть, спрятала её за спину.

- Джесси…

- Прекрасное имя. Отлично сочетается с Вашей незаурядной внешностью, - вильнул взглядом: - Я серьёзно.

Было в незнакомом парне что-то пугающе-притягательное. Девушка, нестрелянная птаха,
зарделась…

Последовавшие за этим дни всё изменили. Не сразу, но неотвратимо и бесповоротно. Капля
за каплей.

Продолжали ещё общаться с Ричардом, но глаза как-то стали избегать так естественного ещё
совсем недавно прямого взаимопроникновения. Джессика пыталась заставить себя найти оправдание, но, несмотря на все душевные усилия, не могла забыть того трусливо-блуждающего Ричардова взгляда. Стоит видение и всё тут – хоть убей.

Первое время Риччи остро переживал отдаление подруги, а потом как-то пообвыкся, боль отпустила. Становившиеся всё более редкими встречи окончательно прекратились незадолго до рождества.

IV

К учёбе Джессика охладела. Ещё недавняя активная и креативная участница деловых игр и семинаров, сейчас она вдруг резко потускнела. Оравнодушела.

Просиживала занятия, как истукан: отвечала лишь когда спрашивали, нередко – невпопад. Преподаватели и сокурс-

ники недоумевали: что случилось? Думали, из-за разрыва с Ричардом, пытались залезть в душу. Джесси отстранялась, отмахивалась: «Всё нормально».

Сама для себя она вдруг с удивлением обнаружила, что занимает не своё место. Неинтересно ей это, и Ричард здесь ни при чём. Он, может быть, явился лишь катализатором для понимания.

Тесты за половину курса сдала только с третьего захода, десятидневные зимние каникулы провела, лёжа на кровати и бездумно созерцая потолок – никуда, в отличие от основной массы, не поехала.

Начало последнего семестра ничего не изменило: всё тот же равнодушный взгляд и «хождение по мукам». Прямого повода недовольствовать администрации не давала, но все видели – Джессика Хоггарт не та… Думали: «Должно вот-вот пройти, но, чёрт побери, ведь выпускные же экзамены не за горами!»

Так и болталось всё – ни шатко, ни валко. Вплоть до начала мая. Последнего мая в колледже, решающего.

Уикэнд. Тёплый майский денёк, голубое небо, ласковое солнце.

Трейси, соседка по комнате и старая подруга, чуть ли не силком вытащила затворницу-Джесси на свежий воздух, на теннисный корт. Всучила ракетку.

- На, дура чёртова, держи. И только попробуй мне проиг-

рать, задушу!

Джессика взяла неохотно ракетку, подумала про саму себя с язвительной иронией: «Действительно, а почему бы и нет? Сквашусь однако скоро лёжа на диване, дебилка паршивая. От половой тряпки не отличишь.» Подобралась, улыбнулась:

- За дуру ответишь. К барьеру, вертихвостка.

Трейси не обиделась, наоборот, лицо её радостно осветилось. Ловко, несмотря на округлые формы, перепрыгнула через сетку, бросила на ходу:

- Итак, 0:0. И пусть победит сильнейший. Поехали.

Посланный умелой рукой мяч понёсся на сторону изготовившейся Джессики.

Разгорячённые игрой девушки не сразу заметили остановившийся вблизи ограждения корта старый, но добротный двухцветный – жёлтый с голубым – «Понтиак» с откидным верхом. Отчётливо прозвучали хлопки от поднятых над улыбающимся лицом водителя ладоней.

- Просто великолепно! Любо-дорого посмотреть на увлечённых молодых девушек в их естественных движениях. Это очаровывает. Как и тех великих художников, что увековечивают эти самые движения на своих бессмертных полотнах. Говорю как эксперт. Доброго нам всем дня!

Трейси опустила ракетку, по лицу скользнула тень. Она узнала говорившего. Впрочем, слова сияющего показушным дружелюбием парня нисколько её не впечатлили.

- Чего надо? Кто тебя пустил сюда? Это – закрытая территория. Так что давай, вали отсюда по-быстрому. Пока не нажил неприятностей. Понял?

Парень оставил сказанное без ответа, обратился к Джессике:

- А Вы, прекрасная Джесси? Вы того же мнения? Неужели не помните своего старого знакомого Джека? Не поверю!

Джессика серьёзно смотрела.

- Старый знакомый, говоришь? Это уж точно – старый. Я бы даже сказала – заплесневелый. Понимаешь? Зелёный такой, сморщеный и никому не нужный. Восемь месяцев прошло, и нате вам – нарисовался. Так как ты всё-таки умудрился проехать сюда? Расскажи, интересно.

Джек победоносно ухмыльнулся:

- Это было нетрудно: наплёл что-то охраннику на воротах про умирающую мать и страдающую сестру, а он, дурак, и поверил. Делов-то!

Джесси укоризненно покачала головой.

- Почему же дурак? Он проявил человеколюбие!

Джек осклабился:

- Для меня дурак и человеколюбие – одно и то же. Синонимы. – Понял, что перебарщивает, попытался скруглить «углы»: - Ничего не имею против него. Может, он и хороший человек, но мне-то, согласись, надо было как-то проехать.

Подкрепил сказанное недоумённо приподнятыми плечами.

- Кстати. Этот хороший человек дал мне десять минут, - бросил взгляд на часы, - и вот-вот забьёт тревогу. Что я хотел предложить-то…

Скользнул взглядом в сторону Трейси.

- А Вы бы, бабушка, шлёпали ножками домой, к книжкам. Не видите, нам с Джесси поговорить надо, а?

Трейси набычилась:

- Ну вот ещё.

Джессика неожиданно поддержала. Подойдя, мягко положила руку на плечо подруги:

- Не принимай близко к сердцу. Мало ли по дорогам балбесов разъезжает?! Ступай Трейси, прошу тебя. Я разберусь.

Трейси сокрушённо покачала головой, пошла прочь, не преминув буркнуть по ходу:

- Как знаешь. Держалась бы ты лучше от него подальше.

Джесси проводила взглядом удаляющуюся подругу, повернула голову, посмотрела прямо в глаза Джеку.

- Гитарист ты неплохой – видела. Студент бывший, сам говорил, – слышала. Двоечник, поди непролазный, да? Так чего ты хотел по прошествии восьми месяцев, балабол? О девичьей гордости слышал чего-нибудь? – усмехнулась: - Глупый вопрос. Конечно же – нет.

Джек не согласился:

- Ну почему же? Слыхал… - Посерьёзнел: - И не двоешник я вовсе. Могу рассказать. – Вздохнул извинительно: - Не

было меня здесь всё это время. Я, к твоему сведению, должен сам думать, как заработать себе на жизнь. Мне, в отличие от тебя, родители не подают, вот так. Да и не надо – сам справлюсь.

Почему я здесь? Да потому что не могу выкинуть тебя из головы, хотя пытался. Не могу. Нравишься ты мне – и всё тут. Садись в машину, проедем до озера, поговорим… - Отмёл сомнения готовой отказаться Джессики: - Я не из тех, кто лезет девушкам под юбку без спроса. Не бойсь, садись. Доставлю тебя назад по первому требованию. В целости и сохранности, обещаю.

Джессика, дура, обошла изгородь, перекинула ноги через борт, плюхнулась на сидение.

- И никаких шаловливых рук, понял? Максимум через полтора часа я должна быть здесь. Поехали, ковбой.

Джек вёл машину быстро и уверенно. По лицу блуждала лёгкая улыбка; длинные и слегка вьющиеся густые каштановые волосы колыхались порывами захлёстывающего за лобовое стекло встречного ветра. Левая его рука, постукивая пальцами по светло-жёлтой поверхности дверцы в такт льющейся из стереосистемы автомобиля приятной небыстрой музыке, висела снаружи. Джесси съехала вниз по спинке сидения, уперев согнутые ноги коленями в переднюю панель и склонив голову вправо. Находящимися на уровне чуть выше борта зелёными глазами поглядывала то на проносящие-

ся справа вдоль обочины сосны и ели, то на беззаботно откинувшегося за рулём парня. Джек удовлетворённо чувствовал боковым зрением бросаемые на него взгляды, но вида не подавал: нарочито, не отводя глаз, смотрел вперёд. Оба за все пятнадцать миль до озера не проронили ни слова.

Покинув трассу, проехали немного, подыскивая подходящее место, вдоль береговой линии, узрели через просветы прибрежного леска узкую полоску мелкогалечного пляжика, свернули к нему.

Машина остановилась, рокот выключенного мотора сменился ударившей по ушам звенящей тишиной. Покинув салон, спустились с полуметрового земляного обрывчика – Джек и за ним держащаяся за его протянутую руку Джессика – на пляжную гальку, прошли ближе к воде, уселись прямо на нагретые солнцем камни. Перекинулись несколькими дежурными ничего не значащими фразами.

- Хорошо-то как! – Джек нашёл плоский камешек, пустил его, отсчитывая вслух, «блинчиками» по озёрной идеально-гладкой поверхности.

- Восемь, моё любимое число. – Повернулся к девушке, широко улыбнулся: - Счастливый знак!

Джесси перестала перекатывать из ладони в ладонь найденный ею белый с серыми прожилками окатыш, подняла глаза на спутника.

- Где и когда?

- Что? – не понял тот.

- Где и когда, – повторила осерьёзившаяся Джесси, - собираешься стать счастливым и что ты под этим подразумеваешь?

Джек перестал дурачиться.

- Кто знает: где, когда и как встретит своё счастье? И суждено ли вообще испытать его? – усмехнулся грустно: - Может, здесь, может - за тридевять земель. – Взглянул странно на Джессику, продолжил: - Может, через минуту… А может – никогда.

Девушка отбросила камень, отряхнула ладони.

- А как ты относишься к такому мнению, что человек бывает по-настоящему счастлив лишь в движении, идя, преодолевая трудности, по пути к своей вожделенной мечте, а не лёжа на диване после её воплощения.

- То есть, иначе говоря, человек утрачивает ощущение счастья, когда получает желаемое?

- Ну да, можно и так интерпретировать.

Молодой человек, вытянув ноги, откинулся спиной на тёплые камни, улёгся поудобнее, сцепил за головой кисти рук.

- Наверное, где-то так и есть. Пускай. Но я смотрю на жизнь проще. Мой принцип: добивайся и добейся, а добившись не засыпай на лаврах, а хватайся сразу за новое дело, - скосил на спутницу лукавый взгляд, - и ощущение счастья при таком раскладе будет постоянным, верно?

Джесси поднялась на ноги.

- Хватит трепаться, ехать пора.

Джек тоже встал.

- Сейчас поедем. Но я не услышал ответа: как тебе нравится мой принцип?

Джессика смерила «философа» напускным суровым взглядом, с трудом сдерживая готовый выплеснуться наружу смех.

- Ещё как нравится! Особенно в части отношений с девушками: добился от одной желаемого – бросил, склеил другую. И так непрерывно. Для полного и бесконечного собственного счастья. Классная формула, поздравляю и желаю удачи! – Добавила, деланно-сочувственно кивая головой: - И, главное, озвучена как нельзя более вовремя – на первом свидании.

Парню стало до боли тоскливо, что он, как последний идиот, вляпался. Внутри клокотало всё от недовольства самим собой. Но духом упасть себе не позволил. «Не будь я Джеком Клиффордом…» Бросился спасать ситуацию. Улыбался по-детски наивно-виновато.

- Джесси, извини дурака! Пал на поле боя жертвой собственного легкомыслия. Мне надо срочно пересмотреть свою теорию, - прибавил для большей убедительности: - 1:0 в твою пользу. Я прощён?

Джессика и не думала обижаться или расстраиваться. Толкнула игриво парня кулачком в плечо.

- Не за что прощать, лицемерные твои глаза. Во всяком

случае – пока. Действительно, Джек, пора ехать.

Опростоволосившийся на ровном месте Джек взглянул с неподдельным уважением, подал руку.

- Конечно, Джесс. Едем.

Обратно ехали тоже молча, но как-то по-другому.

Покинув остановившуюся у периметрального забора машину, Джессика благодарно взглянула:

- Спасибо.

Вышедший из-за руля Джек переминался с ноги на ногу.

- Не за что. Тебе спасибо. – Поднял взгляд, буднично утвердительно-вопросительно произнёс: - Ну, так я за тобой заеду завтра? В четыре, скажем. Как?

Девушка согласно кивнула. Джек, помахав рукой из машины на прощание, умчался.

Летела, как на крыльях. В душу кольнуло что-то новое, мучительно-сладостное. Неиспытанное ранее с Ричардом. Ни с кем другим.

Впорхнув в комнату, игриво толкнула читающую за столом соседку:

- Сидишь тут, как бука, кваснешь. День посмотри-ка какой!

Бросилась на кровать, закинув руки на затылок, счастливо улыбалась.

Трейси, успевшая пообщаться со Сьюзанн, захлопнула с

треском книгу, сокрушённо опустила руки.

- Вляпалась… Дура.

Последовавшая неделя, как в калейдоскопе, искрилась яркими перемежающимися красками. Светило солнце, ублажала взгляд дружелюбная озёрная гладь, кивали кронами такие родные деревья. Тёплый ветер свистел над лобовым стеклом. Лился в уши ласковый голос.

Учёбу Джессика, как манны небесной ожидая ежедневных встреч с Джеком, совсем забросила. А потом грянул гром…

Приехавший по вызову Джессиков отец, мистер Хоггарт, первым делом посетил офис декана факультета. Тот, пожав руку, указал на кресло, начал, не теряя времени, тяжёлый разговор.

- Мы исчерпали все свои возможности, и поэтому я пригласил Вас. Точнее, экстренно вызвал. По сути, что мы имеем?

Имеем мы то, что одна из наших лучших на протяжении трёх лет студентка, Ваша, мистер Хоггарт, дочь, с осени прошлого года неуклонно катится вниз. Необъяснимым и противоестественным образом. Чего мы только не перепробовали. Её как подменили! Скажу, что в моей практике, а это более двадцати лет, такое впервые. Окончание колледжа не за горами, диплом почти в руках – и нате вам. Не понимаю, отказываюсь понимать! И это ещё не всё.

В последние дни, неделя или чуть более того, она схлестнулась с крайне отвратительным и опасным типом. И, к великому сожалению, кажется питает к нему чувство. Поясню.

Мы навели о нём кое-какие справки. Так вот.

Это молодой человек двадцати четырёх лет. Зовут его Джек Клиффорд. Бывший студент Массачусетского технологического колледжа. Отчислен с третьего курса за неуспеваемость и аморальное поведение. Дерзок, жесток. Хитёр и умён. Имеет начальное музыкальное образование. Одарён в этом плане. Играл, и весьма успешно, на соло-гитаре в университетском ансамбле. Был популярен. Адепт вседозволенности. Способен моментально менять личину безобразного хама на личико наивно улыбающегося агнца. Склонен к авантюризму. Уже имел приводы в полицию и, думаю, это только начало. Не гнушается никакими тёмными делами, в том числе сбытом наркотиков. Но за руку пока не пойман. Вопрос времени.

Из вполне благополучной и уважаемой семьи. Которая, намучившись, махнула на него рукой. А он на неё и, похоже, не испытывает никаких по этому поводу угрызений совести. Отрезанный ломоть или в семье не без урода, как хотите. Потенциальный, на мой взгляд, носитель неприятностей.

При всём при том с виду и в обращении харизматичен и образован. Язык на месте. Со вкусом одевается. Потому опасен вдвойне. Особенно для чистых душой и не видавших обратную сторону жизни девушек. Ну как, навёл на Вас страху?

Хоггарт, сплетя в замок кисти рук, сидел, оцепенев.

Декан встал из-за стола, достал из встроенного бара бутылку виски и два стакана, уселся в кресло напротив, через небольшой приставной столик, посетителя.

- Но паниковать мы не будем. Не имеем права. Выпейте.

Думаю, всё обойдётся. Потому что Джессика умная, хорошая и неиспорченная девочка. Да да. Поговорите с ней. Как любящий и понимающий отец. Мягко и душевно. Дайте понять, что Вашей семье непросто было изыскивать средства на её обучение. Даже, быть может, в ущерб остальным детям. Постарайтесь убедить её закончить не хуже других колледж.

Она, очень надеюсь, должна понять. Если это произойдёт, то оставшиеся полтора месяца интенсивной подготовки и сдачи выпускных экзаменов, уверен, все изменят в лучшую сторону. Вернут нашей с Вами заблудшей подопечной здравый рассудок. И всё забудется, как несуразный сон. Искренне желаю этого. Согласны со мной?

Хоггарт поставил недопитый стакан на стол, поднялся, протянул руку:

- Да, конечно. Немедленно займусь этим. Спасибо.

Мудрый декан, хороший и на самом деле желающий добра Джессике человек, не стал, конечно же, озвучивать взволнованному отцу основную цель своего плана: колледжу не нужны ни в коем случае неуправляемые встряски и, как следствие таковых, подмоченная репутация. Ни в коем случае! «Оплатите по счетам, ребята. Выйдите, сохраняя приличия

за ворота – и делайте что хотите!» За это мы его винить не должны. Бог ему судья.

Присели в расположенной на тихой городской улочке маленькой уютной кафешке. Вдвоём. Больше посетителей не было. Джессика и неумело пытавшийся казаться жизнерадостным её отец. Друг против друга. Хоггарт поднял глаза на подошедшую официантку.

- Яичницу с двойным беконом и кофе с молоком и с… что там у Вас из мучного? Пирог с клубникой, говорите? Давайте.

Взглянул, извиняясь, на дочь.

- Не случилось как-то в дороге поесть. А ты что будешь?

Джесси обронила:

- Чёрный кофе без сахара и маленькую булочку без всего, - подумала секунду: - колу ещё, пожалуйста.

Отец остановил жестом собравшуюся идти за заказом официантку, обратился к Джессике:

- Может, винца по стаканчику?

Джесси усмехнулась:

- Можно и винца.

- Два сухих мартини, будьте добры.

Остались одни, помолчали. Дождавшись заказа, пригубив вина за встречу и радуясь в душе хоть какому-то оттягивающему начало неприятного разговора действию, принялись за еду. Но разговор-то этот самый неизбежен. Хоггарт-стар-

ший отложил вилку.

- Мама тоже хотела ехать, но я не дал. Ни к чему.

- И правильно.

- И правильно… Я был у твоего декана. Он сам вызвал меня.

- Знаю. Здесь новости быстро распространяются. И что же он? Хвалил меня, поди?

- Да, хвалил. Но это была лишь заставка для основного разговора…

- Основного разговора? О чём? Извини, папа. Конечно же о том, что меня, сбившуюся с истинного пути, надо немедленно спасать, ведь так?

- Так по сути. Посоветовал довести до твоего сведения, как тяжело было нам с матерью, в ущерб твоим брату и сестре, оплачивать твоё престижное обучение.

Джессика помрачнела.

- Его можно понять. Вот это-то и меня больше всего убивает.

Осунувшийся лицом отец откинулся на спинку стула, взял дрогнувшими пальцами салфетку, отёр ею губы, бросил на стол.

- Плевать на деньги. Мы все, наша семья, любим нашу Джессику.

Глаза Джесси увлажнились, протянутая через стол рука накрыла кистью кисть отца.

- Прости, папа, свою неблагодарную дочь, - повторила: -

прости.

Устала я. Поняла, что не моё это. Вы с мамой очень хотели, чтобы ваша дочь стала юристом. Я и сама хотела того же. Но что делать, если понимание приходит только с прожитыми годами? Не буду я юристом никогда, не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.